

Театр. Курьер - 2005 -
июнь (№6) - с. 12

ЮБИЛЕЙ АРТИСТА

Если бы артист Александр Пожаров неожиданно решил сменить профессию, то театр «Эрмитаж», наверное, рухнул бы, потому что Пожаров занят во всех спектаклях текущего репертуара. Художественный руководитель Михаил Левитин считает его мастером драматической сцены, хотя и признает, что при желании артист мог бы сделать карьеру эстрадного певца и иметь не меньшую популярность, чем Козин или Лещенко. Однако сам Пожаров не стремится к славе. Он работает в «Эрмитаже» уже 30 лет и не мыслит свою жизнь без театра.

— Александр, вы — единственный, кто остался из первого состава спектакля «Хармс! Чармс! Шардам!» Не надоедает 30 лет играть один и тот же спектакль?

— Надоедает, конечно. Что уж кривить душой. Любого актера возьмите. Встретил недавно Анатолия Михайловича Адоскина. Он говорит: «Саша, как все надоело!» Я говорю: «Я вас теперь уже понимаю». Выходить на сцену столько лет. Это же не годы — века! Со временем вообще все притупляется, желание славы, например...

— А было когда-то такое желание?

— Нет, никогда. В «Эрмитаже» я сыграл столько, сколько никогда не сыграл бы у другого режиссера. И о популярности я никогда не задумывался. Хотя чего-то такого подсудно хотелось. Но — каждому свое. Фактура — это очень важная вещь в театре. Борис Иванович Ровенских однажды увидел меня на сцене. (Он ставил «Птицу нашей молодости», а мы там студентами бегали.) Увидел и сказал: «Маленький? Маленький! Трудно будет в жизни! В любви будет трудно! В театре будет трудно! Мучительно трудно!» У меня много знакомых ребят во МХАТе. Они вообще не ощущают в жизни никаких трудностей. Сразу получают роли, поклонниц. У меня, конечно, такого никогда не было.

— Неужели у вас поклонниц до сих пор нет?

— Есть, куча поклонниц, но таких тихих, не оготтелых. Иду недавно по улице, и вдруг у Успенского храма ко мне подходит молодая симпатичная женщина и говорит: «Вы так хорошо играете, мы ходим только на вас! Только на вас!» Я сразу оторопел, покраснел и пошел дальше — на работу. Compliments — это всегда трудно. Легче, когда не замечаю.

— Почему легче?

— Потому что немногие выдерживают испытание огненными трубами славы. Человек устает, становится пренебрежительным по отношению к другим. Вот меня пригласили в кино на эпизод — роль без слов, нужно просто стоять в трамвае целый съемочный день. Я хотел отказаться, но меня стали уговаривать: «Ну, пожалуйста. Режиссер хочет вас. 200 долларов на дороге не валяются». Согласился от безденежья. Приезжаю на съемки, одеваю рванину, вхожу в трамвай, а там стоит Меньшиков и смотрит в окно — совершенно отстраненный. Массовка вся изъерзалась: как же так — он ни на кого не смотрит, он смотрит в себя. Но я понимаю, что такое усталость. Это же пережить надо. Это тяжелее, чем безвестность. Счастье, наверное, что вокруг меня ничего не вертится, а просто так идет себе и идет.

— Как получилось, что вы решили стать драматическим артистом? Почему выбрали Щепкинское училище?

— Я не выбирал. Первый раз я поступал туда вместе с другом. Нас не приняли, и мы пошли работать на киностудию имени Горького в строительный цех. Таскали бревна какие-то. Слава богу, через год меня в армию забрали, иначе я бы там опупел. А друг мой устроился мебельщиком-режиссером в Театр Советской Армии, к искусству поближе, но так и не получилось у него ничего — работает сейчас завучем в школе. А я после армии вернулся, и прошел конкурс в Щепку.

— После окончания училища вы оказались в Театре миниатюр? Это был сознательный выбор?

— Впервые я попал в этот театр в 9-м классе на спектакль «Ревность». Я просто валялся, рыдал! Помню, как персонаж через ножницы смотрел на какую-то французскую бабуску. Она говорила: «Нес па?» А он: «Я не спал, не спал, не спал». Этот поверхностный юмор был так прост, так естественен. Я вышел из театра весь в слезах. Конечно, я тогда не подозревал, что буду здесь работать. Так что получилось настоящее предопределение по жизни. Когда после выпуска мы показали тогдашнему руководителю Театра миниатюр Рудольфу Григорьевичу Рудину, он взял нас без разговоров. А ведь в противном случае нас ждал Целиноград или Кимры, где одна асфальтированная улица.

— Когда театр возглавил Левитин, откуда ушли многие артисты. Почему?

— Им показалось, что Левитин — диктатор. Он, правда, много кричал, горячился. А какой режиссер не деспот? Вот одна дама-ре-

Фото С. ИВАНОВА

АЛЕКСАНДР
ПОЖАРОВ
ИЛИ ШУРА КАРЕТНЫЙ

жиссер много матерится на репетициях — наверное, таким образом, пытается себе мужские гениталии придумать, ведь это абсолютно мужская профессия, когда нужно показать, доказать, заставить. Покажут тебе белое и будут доказывать: «Это черное, черное!» И ты согласишься должен — добровольно. Кто-то не выдержал — ушел. Когда Хармс был впервые на сцене поставлен, ребята кричали: «Фашист! Чумовоз!»

— Чем вам оказался близок Левитин?

— Ему нет основания не доверять, хотя бы потому что он очень много знает. Книголюб. Энциклопедический человек. И вместе с тем одержимый. Именно одержимостью он держит театр, и его отношение к делу передается и нам. От этого никуда не денешься. Самое интересное, когда он выплескивает в спектакле свою интуицию, когда будоражит ассоциативное мышление. Так возникли сложнейшие работы — «Хармс», «Белая овца», «Занд»...

— Говорят, один из артистов «Эрмитажа» повесил в своей гримерке плакат: «Всякое искусство бесполезно». Вы согласны с этим утверждением?

— Нет, конечно. Иначе я бы этим не занимался. Еще как полезно! В театре это хорошо видно — по аплодисментам, по тишине в зале — значит, внимательно слушали, значит, что-то воспринимали. Хотя некоторые ходят в театр, сами не зная, зачем. Однажды был случай во время спектакля. Темнота, в луче света Гвоздицкий произносит монолог: «Как жалко, что я не сущность, не червяк ползучий...» Затем звучат музыкальные аккорды, и на сцену мы выезжаем в карете, и тут я

вижу, как на первом ряду сидит женщина и вяжет. Я был просто потрясен! Ну зачем она пришла на спектакль «Вечер в сумасшедшем доме»? Носки вязать? А ведь это был культовый спектакль, мы все были им отравлены. Многие зрители по несколько раз ходили его смотреть. Так что для кого-то искусство может быть бесполезным.

— За многие годы работы с Левитиным вы уже привыкли к его эстетике. Как вы воспринимаете спектакли в других театрах?

— Мы избалованы этой эстетикой, конечно. Я редко выбираю, только когда позовут. Сижку, смотрю. Ну да, можно и так. Но мне не интересно. Есть театры, в которые я не пойду и за 100 блинов в голодный год. Скучно! Я лучше сяду, выпью портвейна на лавке. Сам с собой пообщаюсь. Подумаю.

— О чем подумаете? О печальном или о радостном?

— С годами я меньше стал чему-то радоваться. Вот я уже тридцать лет в театре. Труд повседневный, тяжелый...

— Никогда не думали сменить профессию?

— Нет. Я ничего другого в принципе не умею. Это как Любимов в свое время заявил, когда его театр закрыли: «Я так в таксисты пойду, а вы-то куда?!» Иной раз идешь по магазину. Сидят люди, считают товары какие-то. И думаешь: «А вот я бы сейчас бросил все и в магазин «Ням-Ням» построился и стал бы возить продукты на тележке...» Смог бы я так? Нет! Это даже представить себе невозможно! Мы же становимся рабами своей профессии. Как на галерах,

цепями прикованы. Некоторым удастся найти себе другое дело — деньги зарабатывать. А потом говорят: «Ну подумаешь, я тоже школу-студию МХАТ заканчивал». Нет, я все-таки себя отношу к другому поколению. Мы, как старые собаки, смотрим на волю... Ну что мы можем? Мы уже в падучей, сил никаких нет, а все тянемся, все идем к искусству этому... бесполезному.

— Вам не кажется странным, что широкая популярность пришла к вам благодаря аудио-персонажу Шуры Каретному, которого нельзя увидеть, а можно только услышать — на дисках и кассетах, которые продаются в магазинах?

— Нет, не кажется. Меня всегда привлекал звуковой образ, возможно потому, что мои внешние данные абсолютно не совпадают с внутренними. Я никогда не задумывался, почему Шура стал так популярен. Я создал его исключительно для себя. В 71-м году в Балаклаве я случайно познакомился с прототипом моего персонажа — пожарником Сашей, который шепелявым голоском рассказывал смешные истории. После этой встречи я все время в себе носил эту идею. Но в те времена осуществить ее было нереально. Шура Каретный был придуман как блатной персонаж, бывший эзк, который сидел «на библиотеке», а значит, много читал и теперь может просвещать своего бесловесного друга Коляна. Кличку Каретный мне ребята придумали — потому что театр «Эрмитаж» находится в Каретном ряду.

— Первый диск с рассказами вы записали в 98-м году, с тех пор вышло уже 49 альбомов. Уже по одним только названиям — «Армагеддец или чих-пых Кин-Конгу», «Властелин без колец или харей Поттера об философский камень», «Штрек в ночном дозоре» — может показаться, что Шура Каретный — это Хармс, доведенный до абсурда...

— Да, хотелось бы так думать, потому что для меня Хармс очень много значит. Но Хармс — это такие отжимки мыслей. Шура — это ближе к Прусту, это поток сознания. Я никогда не придумываю текст заранее. Сажусь к микрофону и сам не знаю, что скажу в следующую секунду. Начну: «Ну что, кореш мой драгоценный, чих-пых...» Ну а дальше, кто знает, о чем будет толковать Шура. Кино пересказывать, сказку или байку. У него есть «Слово о Толстом», «Слово о Гоголе, Пушкине». Это такая культурная акция, произведенная способом понижения.

— Шура откликается на все, что происходит?

— Шура с легкостью берется за любой сюжет: «Ну че там, щас повернем!» Только политику он игнорирует. Ведь бывают случаи: «У нас тут два претендента на мэра Вологодской области, можете обосрать нашего конкурента?» Но я этим не занимаюсь, какие бы деньги ни предлагали.

— А как на самого Шуру люди откликаются?

— С самого начала с зоны пошли письма. Туберкулезники писали, я им отправлял кассеты: я-то пока жив-здоров, а им хоть какая-то радость. Писали и компетентные ребята: «Ну вообще в законе не так матерятся». Сейчас мы постепенно отходим от зоны. Вот недавно получил: «Спасибо вам, что вы есть, я был в совершенном упадке, хотел покончить жизнь самоубийством, и вдруг мне попался «Годзилла». Или ребенок пишет: «Пришел домой, поставил кассету и стал есть макароны. И этими макаронами чуть не подавился — я валялся по полу и буквально умирал». Еще дети пишут: «После вас я полюбил Пушкина и стал читать». Кто бы мог подумать, что такие отклики будут? Почему этот образ получился? Потому что это все во мне самом сидит — это пересмешничество, это тяга к пародии, к эксцентрике — к тому, что я не делаю в театре.

— Я знаю, что вы долго скрывали Шуру от своих театральных коллег.

— Да, они долго не знали об этом. Пока мама Левитина не дала ему послушать мои записи: «У тебя в театре есть такой артист, а ты даже и не знаешь!» Откуда она узнала — неизвестно.

Михаил Левитин: «Я хотел сделать спектакль по Шуре Каретному, чтобы Пожаров исполнял его и обнаружился для зала. Этот образ, ставший достаточно популярным, его увлекает. Я это увидел воочию. Мы слушали кассеты Шуры Каретного — и я вдруг обратил внимание, как слушает эту запись сам автор. Это был не Саша Пожаров. Это был некто другой. Это был Шура Каретный, и находиться с ним в комнате было страшно. Я ужаснулся близости персонажа и артиста. Ужаснулся! Я никогда не разрешал ему доводить себя до такого страшного, почти патологического состояния перевоплощения. Но он на него способен...»

Вера КАЛМЫКОВА

Наш подписной индекс:

42555

ГАЗЕТУ ВСЕГДА
МОЖНО КУПИТЬ:

в театральном магазине (Страстной бульвар, дом 10/34
(в помещении библиотеки СТД). Телефон: 229-94-84)

Учредитель: трудовой коллектив
Издание зарегистрировано в Московском
региональном управлении Комитета РФ по
печати 15.11.1996 г. Свидетельство № А-
0957. Рекомендованная цена — 10 рублей.

Главный редактор
Андрей Недзвецкий
Ответственный секретарь
Ирина Бурова

Выходит 1 раз в месяц. № 6 (79).
Номер подписан в печать 16.05.2005 г.
Газета отпечатана в типографии «Пронто-Принт»
Тираж 27 000 экз. Заказ № 1014

Адрес редакции: 127224, Москва, а/я 23
Телефон/факс 687-22-45;
8-916-932-23-37 (моб.). e-mail: gtk@m5.ru
При перепечатке ссылка обязательна.

Пожаров Александр

15